

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ УЧЕБНО-НАУЧНОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ПЕЧАТНОГО ДЕЛА

А. С. ЗАГЕСОЦКИЙ

ПОЗИЦИЯ

Избранная публицистика

1985–2008

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2008

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С МАНТИИ ДЛЯ ЛИХАЧЕВА

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА: федеральный выпуск. 2006. 24 МАЯ
(Беседу вел Павел БАСИНСКИЙ)

У 52-летнего ректора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктора культурологических наук, профессора, журналиста, сценариста и режиссера Александра Сергеевича Запесоцкого даже имя и отчество нескромные. И весь университет его нескромный. Слишком выделяется в Питере и масштабами (особенно в задуманной перспективе), и техническим оснащением, и студенческими лицами, и поведением молодежи.

Один потрясенный американский журналист назвал его синтезом Гарварда и Голливуда. Например, рядом с ультрасовременными лабораториями там есть место отдыха, которое называется «Пляж», где переутомленные студенты под шум прибора спят на циновках. Еще есть интернет-зал под названием «Желтая подводная лодка». На мостике у перископа — восковые фигуры «Битлз» в матросской форме. Среди них не сразу заметишь фигуру самого ректора, знатока творчества легендарной четверки и молодежной субкультуры. С живым ректором в его кабинете встретился наш корреспондент.

— Александр Сергеевич, благодарю за экскурсию по университету. Как такое могло появиться? И как это связано с VI Лихачевскими чтениями, приуроченными к 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева?

— В 1992 году здесь возникла идея учредить звание Почетного доктора для наиболее выдающихся личностей. Сегодня свои мантии и дипломы вручают не только многие вузы, но даже ку-

ливарные техникумы. По стране ездят коммивояжеры, продающие почетные звания бизнесменам. Говорят, это весьма прибыльный бизнес. Но мы с самого начала относились к этому по-другому. В личностях почетных докторов мы искали персонифицированные идеалы для университетского сообщества.

СПбГУП тогда сложно реформировался из Высшей профсоюзной школы культуры. Это было закрытое, малоизвестное заведение, куда 20–30 процентов студентов направлялись из стран социалистического содружества. После 1991 года мы мгновенно оказались никому не нужны, преподаватели не получали зарплату.

Но главное — рушилась старая педагогическая система, которая включала в себя цели не только обучения, но и воспитания. Для того чтобы готовить полноценных специалистов, нужны идеалы. Без них немыслима жизнь подлинного вуза. А какие тогда могли быть идеалы? Партия, комсомол, студенческие организации — все исчезло. Молодежью занимались набравшие силы организации иного сорта — криминальные.

В этой трудной ситуации мы и обратились к академику Лихачеву с предложением стать первым Почетным доктором нашего университета и первым почетным доктором российского вуза вообще. Дмитрий Сергеевич отнесся к этому с пониманием и ответственностью. Он обстоятельно познакомился с нашей работой и поверил в нас. «Есть вузы, которые сильны своим прошлым. Ваш вуз силен своим будущим» — были его слова. Кстати, к тому времени он имел уже 19 мантий от зарубежных университетов.

— *Кто после Лихачева удостоился этой чести?*

— Вторым был сэр Джон Кингман — глава Бристольского университета, обладатель 40 мантий по обе стороны Атлантики. Сегодня на мраморных досках университета имена 20 почетных докторов. Это Георгий Свиридов, Мстислав Ростропович, Андрей Петров, Даниил Гранин, Кирилл Лавров, Андрей Вознесенский, Эльдар Рязанов и др.

— *Каким образом это повлияло на развитие университета?*

— Все началось с мантии для Лихачева. Поддержка такого ученого, его личные встречи с профессурой и студентами дали университету некий культурный и нравственный стержень, вокруг которого и выстраивалась новая педагогическая система. Позднее мы ее назвали культуроцентристской.

В нашей стране нередко недооценивалась роль личности. И зря. Никогда не забуду выступление Дмитрия Сергеевича во дворце Белосельских-Белозерских. Он обычно приезжал раньше всех, терпеливо ждал начала дискуссии, потом слушал, опершись на трость, с совершенно спокойным выражением лица. В конце вставал и тихо говорил 2–3 минуты, зал его слушал потрясенный. Во время той встречи ученые жаловались на бедность, на развал страны, говорили, что ничего хорошего нас не ждет. А Лихачев поднялся и сказал, что наше будущее не определено никакими объективными законами. Оно будет таким, каким мы его сделаем сами. Это было опровержением марксистской формулы, что бытие определяет сознание. Все как раз наоборот, утверждал Лихачев: воля человека меняет общественное бытие. И это было настолько созвучно моей позиции человека, который в 37 лет взялся реформировать, казалось бы, безнадежный вуз, и настолько четко сформулировано, что я был потрясен.

— *Лихачев был только Почетным доктором?*

— Я думаю, что университет стал для него вторым родным местом после Пушкинского Дома (ИРЛИ). Там он работал как филолог, а у нас, по моему убеждению, проявился как выдающийся культуролог. В сотрудничестве с нашим Университетом им были созданы 16 текстов: «Петербург в истории русской культуры», «Декларация прав культуры», «Нас ждет то, что мы делаем сами», размышления о русской интеллигенции и другие.

Значение Лихачева как выдающегося мыслителя, уникального специалиста по культуре пока недопонято. А ведь последние десятилетия своей жизни он занимался в основном проблемами

культуры. Его работы на первый взгляд очень просты, но вместе с тем и очень глубоки. При внимательном прочтении в них открываются особые горизонты, удивительное видение сути вещей. Вот скажем, «Декларация прав культуры» — документ, созданный у нас в университете по его инициативе и под его научным руководством. Декларация предназначена для принятия ее ЮНЕСКО. В ней отражена гениальная трактовка Д. С. Лихачевым глобализации как процесса не столько экономического, политического или военного, сколько культурного.

— *Что вы имеете в виду?*

— По Лихачеву, глобализацию нужно осуществлять не для «золотого миллиарда» жителей отдельных стран, а для всего человечества. Ее неверно понимать только как экспансию мировых корпораций, перетоки кадров и сырьевых ресурсов. Человечеством должна быть выстроена концепция глобализации как гармоничного процесса мирового культурного развития. В этой концепции нужно отстроить баланс между большими культурами, например США, России, Китая, и культурами малых этносов. Глобализацию многие ругают, но ею можно и нужно управлять, добиваясь положительных результатов для всех. И так, большая и маленькая культура. Есть опасность подавления большим меньшего? Безусловно. Но можно ли изолировать маленькую культуру от большой? Может быть, и можно, но опасно. Например, всякая попытка изолировать язык малого народа от языка большого приводит к обеднению языка малого народа. С другой стороны, русский язык — «могучий», но чем он могучий? Да своими связями, открытостью, в том числе и тем, что из сотен тысяч слов десятки тысяч в нем — иностранные. Русский язык все время подпитывался от других языков. Так же и малые культуры должны подпитываться от больших культур. И их же обогащать.

— *В области языка это понятно. Но возьмите проблему этноса мексиканских индейцев. Недавно видел восторженный западный фильм о них. На самом деле это было ужасно. Голые*

люди нанюхались дури и скакали в трансе. Понятно, что этот этнос обречен. Или сохранится как шоу для иностранцев, после которого его участники будут расходиться по квартирам с нормальными туалетами.

— Идея сохранения культуры — это не идея сохранения жизни без санузлов. Это сохранение духа, языка, особого ментального склада, этических комплексов. Культура неизбежно будет подвергаться интернационализации. Но всегда у каждого народа должно оставаться культурное пространство для своей самобытности.

Есть целый ряд вопросов, на которые у нас нет сегодня конкретных ответов. Но важно, чтобы для их поиска были заложены правильные базисные подходы. Это так же, как с защитой природы. Понятно, что человек должен расходовать природные ресурсы. Но человечество последнее время непрерывно работает над тем, чтобы эти ресурсы не только расходовать, но и заменять, возобновлять. Да и расходовать более экономично, целесообразно. Главная задача в том, чтобы некую неотвратимость направить в нужное русло. Лихачев был убежден, что это возможно, и убедительно обосновывал данную точку зрения результатами своих исследований истории развития мировой культуры, и в первую очередь — российской. Наша культура на протяжении многих веков впитывала многие зарубежные влияния. И Дмитрий Сергеевич в своих работах показывал, какую пользу это приносило.

Судите сами: мы ведь не против того, чтобы наши дети изучали английский язык? Но при этом важно, чтобы они очень хорошо знали русский. Понятно, что образованный человек должен знать несколько языков. Но некоторые государственные деятели сопредельных с Россией стран развивают кипучую деятельность, чтобы запретить у себя русский язык. Видите, насколько разные подходы. Какой из них правильный? Наука должна искать ответы на эти вопросы. Почему, например, власти Украины сейчас воюют с русским языком? Он вредит украинскому языку? Неужели украинские писатели будут писать лучше, если с детства не будут знать русского языка, от этого случится бурный расцвет украинской культуры? Нет, конечно. Просто Украину хотят ото-

рвать от России. Это — военные действия, распространенные на сферу культуры.

— *Подобные вопросы и будут обсуждаться на VI Лихачевских чтениях?*

— Мы ждем ряд интереснейших докладов о культурных аспектах глобализации. Запланированы выступления писателя Даниила Гранина, директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, заместителя министра иностранных дел Александра Яковенко и др. Всего будет работать пять секций с мощным академическим составом.

— *В своем последнем интервью Александр Исаевич Солженицын жестко выступил по вопросу о глобализации и американской экспансии во всем мире. Он призывает быть предельно осторожными с глобализмом и жестко отстаивать свои национальные интересы. Как Вы предполагаете, какой была бы реакция Дмитрия Сергеевича на эту проблему сегодня?*

— Не нужно моих предположений. Все высказано в работах Лихачева. Дмитрий Сергеевич считал, что Россия в плане культуры — не евразийская, а нормальная европейская страна. При том — страна великой культуры. И нам надо именно таким образом позиционировать себя в мировом сообществе. Сейчас у нас происходит нечто, похожее на выход из штопора. Но когда мы войдем в нормальную европейскую траекторию развития, то будем вести себя аналогично Англии, Франции, Германии. Это и есть наш путь. Ни в коем случае не изоляция. Всякий изоляционизм вреден. Другое дело, что нужен разумный протекционизм. Должна быть очень сильная поддержка своей культуры, искусства, науки и образования. При такой поддержке нам не страшны никакие иностранные влияния.

Все это замечательно изложено в работах Лихачева. Обидно, что Россия практически не знает этих работ. Он относится к числу неизвестных ученых в своей стране. Дмитрий Сергеевич живет

в общественном сознании в виде штампов: «совесть нации», которая что-то там глаголет и к этому надо относиться с уважением. Хотя уже появляются в прессе ерничанья, что, мол, Лихачев — средний ученый. Думаю, что это — мнение посредственных читателей. К сожалению, до последнего времени не было изданий, где его работы о культуре были бы собраны воедино. Научное наследие Лихачева-культуролога не систематизировано и не осмыслено. Этот пробел мы сейчас исправляем. Первые ласточки — наши издания книг «Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов» и «Избранные труды по русской и мировой культуре» Д. С. Лихачева.

Настала пора серьезного изучения научного и нравственного наследия Дмитрия Лихачева. Я никогда не был замечен в хвалебных отзывах в адрес начальства, но здесь мы должны отдать должное президенту страны. Владимир Путин — государственный деятель. Но я думаю, что, общаясь немало в свое время с Дмитрием Сергеевичем, он как интеллектуал и гражданин почувствовал величие этой личности и понял, что она может быть одной из точек опоры для подъема страны. Посмотрите: за пять лет Владимир Владимирович издал два Указа об увековечивании памяти Лихачева. Это беспрецедентный случай.

— *Чем закончилась история с названием одной из площадей Петербурга именем Лихачева? Насколько мне известно, его именем хотят назвать чуть ли не «злачное» место.*

— К сожалению, это действительно так. Сильная власть принимает слабые решения. Имя Лихачева стало объектом различных интриг городского уровня. Это, конечно, омрачает празднование юбилея. Мне не очень удобно комментировать эту конфликтную ситуацию. В нее вовлечены многие весьма достойные люди.

— *Это конфликт идейный или от бедности?*

— Данный конфликт похож на коммунальную склоку. Он порожден профессиональной слабостью отдельных чиновников.

Люди, которым по должности положено сплачивать городскую интеллигенцию, ее разделяют и стравливают. Особенно нелепо, что это происходит в период губернаторства Валентины Матвиенко. Валентина Ивановна — очень крупный руководитель, за короткий срок много сделавший для нашего города. Но у нас — определенный кадровый голод. И даже самый талантливый губернатор не может работать за всех. Только в сказках проблемы решаются мгновенно, взмахом волшебной палочки... Да и интеллигенция измельчала. Увы, в этой связи можно говорить о некоей деградации великого города. Переименовать Ленинград в Петербург легко, но возродить в нем духовную жизнь, быть реальной культурной столицей России сложно. Вот почему нам сейчас особенно важно извлекать уроки из жизни Дмитрия Лихачева.